

Фосколо, авторъ романа „Послѣднія письма Якопо Ортисъ“ (1802), отчасти мотивируя патриотизмомъ грусть своего героя, этимъ самымъ придаетъ вертеризму болѣе мужественный и опредѣленный характеръ. Если попытаемся объяснить отсутствіе Фауста въ Италіи временемъ упадка въ литературѣ, то почему же во Франціи, при ея богатой и разнообразной литературѣ, не только не находимъ ни одного представителя міровой идеи Фауста, но долгое время даже весьма ограниченное число дѣятелей? Оттого ли, что во Франціи безпокойная мысль находила отводъ въ дѣятельной жизни, и что при богатствѣ государственныхъ и общественныхъ интересовъ отвлеченное мышленіе отступаетъ на второй планъ? Но вѣдь Италія долгое время въ политикѣ была безлична, и тогда слѣдуетъ также полагать, что время Фаустовъ для Германіи миновало. Взаимодѣйствіе между общественною жизнью и литературными произведеніями такъ сложно, что мы оставимъ скользкую почву литературныхъ гипотезъ, а ограничимся указаніями на факты и на ихъ очевидныя послѣдствія. Великія творенія и отголосокъ ихъ объясняются общимъ строемъ общественной мысли, для которой они служатъ фокусомъ; значеніе ихъ въ томъ, что они резюмируютъ, опредѣляютъ, отчасти предугадываютъ смутно сознаваемыя потребности ея. Слѣдовательно, нужно искать отвѣта на вопросъ въ племенныхъ особенностяхъ и въ историческомъ развитіи этихъ особенностей.

У туманнаго сѣвера символы и мифы, глубина и сложность мысли, всеобъемлющія теоріи романтизма и отвлеченность метафизики, т. е. саги и Эдда, Шекспиръ и Шелли, Парсиваль и Фаустъ. У юга блескъ и рельефность, изящество и грація, ясность и законченность въ замыслѣ и въ выраженіи; эти качества находимъ даже въ міровомъ произведеніи, въ Божественной Комедіи. Въ исторіи сѣверъ—первый носитель идеи будущаго, въ области мысли представитель отрѣшенія отъ вѣковыхъ традицій, борьбы и свободы. Югъ ближе къ античному искусству, менѣе объемлющему, но болѣе совершенному, т. е. къ художественной законченности и ограниченности легко исчерпываемаго замысла; литература латинскихъ народовъ коренится въ классическихъ традиціяхъ. У французовъ нѣтъ народнаго эпоса, нѣтъ и поэмы, резюмирующей сокровеннѣйшую жизнь культурнаго челоука. У нихъ почти нѣтъ самородковъ творчества; въ Германіи ихъ много. Опредѣленность и соразмѣрность, атрибуты латинской расы, представляютъ рѣзкій контрастъ съ той безформенностью, которая въ Фаустѣ соотвѣтствуетъ самой непре-